

ОТЗЫВ

официального оппонента Игоря Евгеньевича Лощилова на диссертацию Константина Марковича Комарова «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. Маяковского» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература

Тема диссертации Константина Марковича Комарова представляется исключительно важной и актуальной. Предметом исследования стали послереволюционные поэмы Маяковского, наследие которого, при кажущейся изученности, настоятельно требует научно аргументированного переосмысления, «ре-интерпретации». Если не считать двух-трех поэм, вошедших в хрестоматийный набор текстов поэта, поэмы Маяковского 1918–1930 годов, вообще работа поэта в области «большой поэтической формы», до сих пор не становилась предметом серьезного и целостного исследования.

Удачен и актуален также выбранный автором диссертации угол зрения на корпус поэм, где внимание исследователя сосредоточено на понятиях *тела* и *телесности*, во всех проявлениях и проекциях на поэтический текст. Несмотря на появление в последние десятилетия немалого количества работ, трактующих проблему тела в литературе и искусстве, как частного, так и обобщающего характера, у оппонента не остается сомнений в том, что автору диссертации удалось внести новые штрихи не только в исследование поэтики Маяковского, но и в теоретическую разработку проблемы тела, а также в разработку языка описания телесности и телесного компонента в художественном тексте.

Состав и структура работы производят впечатления продуманности и тщательно сбалансированы. Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения, содержит список источников и литературы.

Научная новизна исследования состоит в том, что, во-первых, весь послереволюционный корпус поэм Маяковского впервые стал предметом системного анализа. Во-вторых, успех работы связан с удачным применением заявленного во вводных частях исследования синтетического, комплексного подхода к материалу. Структурно-семиотический, структурно-типологический, герменевтический, творческо-генетический, экзистенциальный, психоаналитический, культурно-исторический и компаративный подходы столь глубоко освоены автором, что при изложении результатов исследования удается пользоваться достаточно простым – и в то же время глубоко научным – языком описания, легко постигаемым на уровне здравого смысла.

Следует отметить глубокую погруженность автора исследования в самую «гущу» литературно-художественного процесса эпохи. Автор обнаруживает познания, позволяющие увидеть предмет в неожиданных ракурсах.

Первая глава посвящена обзору концепций и основных работ, посвященных проблеме тела в литературе и искусстве. Выбор и реферирование источников осуществляются на высоком уровне, функциональны. Убедительно показано, что природа исследуемого феномена требует именно комплексного подхода, при котором различные методологии действовали бы по принципу дополнительности. При первом знакомстве с работой автору рецензии показалось, что имя Ницше следовало бы отделить в этом обзоре от других имен, метафорически говоря, следующих одно за другим «через запятую», по крайней мере, чем-то вроде точки с запятой. В отличие от концепций Бахтина, Гуссерля, Хайдеггера, а тем более Ямпольского и Подороги, Ницше – и как философ, и как поэт – может быть отнесен к источникам имманентной концепции тела у

Маяковского, как раннего, так и позднего, изучаемого в диссертации периода. Однако эти методологические сомнения и вопросы отпали при чтении аналитических глав работы, где обнаруживается, что автор сознательно обращается к Ницше не как к источнику (что требовалось бы при иных ракурсах), но именно как к философу, и в этом качестве он становится одной из возможных платформ для анализа явлений, принадлежащих любой эпохе. Как и работа в целом, ее реферативная часть отличается высокой степенью научной обоснованности и представляется необходимым фундаментом для дальнейших, собственно аналитических действий и процедур.

Опора на разнообразные источники, вкупе со способностью видеть в многообразии как черты сходства, так и противоречия, вместе с прекрасным знанием анализируемых текстов с учетом ближних и дальних культурных и идеологических контекстов сообщают работе Константина Марковича Комарова, наряду с новизной, – безусловную научную достоверность.

Убедительно и выделение в отдельный раздел предварительных соображений, касающихся проблемы тела в поэтике и эстетике русского и европейского модернизма. Автор обнаруживает широкие горизонты познания в этой области, как в сфере явлений культуры, так и их теоретического осмысления.

Вторая и третья, собственно аналитические, «основные», главы посвящены подробному разбору в свете поставленных ранее проблем, соответственно, поэм Маяковского 1919–1923 и 1924–1930 годов.

Во второй главе последовательно разбираются поэмы «150 000 000», «Пятый Интернационал», «Люблю» и «Про это». Убедительно показаны диалектика индивидуального и коллективного, «массовидного» образа тела, в их единстве и противоречии. Вместе с тем, автор показывает эволюцию как поэтики, так и общей концепции телесности, направление этой эволюции. Анализ фактов, извлекаемых из текстов поэм, отличается высоким профессиональным уровнем и глубиной. Это касается как анализа

микроэлементов текста, там и макроструктур, лежащих в основании поэм. Показаны черты сходства и специфика каждого из разбираемых текстов, общее и особенное в них.

Третья глава органично продолжает развитие и усложнение метода на материале хронологически следующих друг за другом текстов поэм «Владимир Ильич Ленин», «Летающий пролетарий», «Хорошо!», а также «Во весь голос» и «Неоконченное».

В связи с разбором поэмы о Ленине можно отметить одно пропущенное, к сожалению, звено в исключительно полной и близкой к исчерпанию библиографии. Я имею в виду статью Ю. В. Шатина «Эстетика агиографического дискурса в поэме В. В. Маяковского “Владимир Ильич Ленин”» (Дискурс. 1996. № 2), знакомство с которой, думается, могло бы внести некоторых дополнительные штрихи и акценты в связи с формированием образа тела вождя. В этой работе убедительно показано, что несмотря на декларируемое «безбожие», Маяковский с детских лет впитал основы агиографии и гомилетики, элементы которых, как правило, подвергаются столь разительной трансформации, что делаются трудноопознаваемыми, а в случае опознания открываются новые горизонты смысла. В самых «безбожных» стихах встречается религиозная лексика или связанные с ней языковые конструкции («родила сына одна из жен», «исхлестан и распят», «коммунизма естество и плоть» и др. – примеры взяты автором рецензии наугад), и это соображение наводит на мысль о том, что почти у всех терминов, связанных с телом, в русском языке есть стилистически маркированные «дублиры», восходящие к церковнославянской лексике (глаз – око, палец – перст, лоб – чело, и т. д.), и, соответственно, к библейским и литургическим контекстам. Маяковский в некоторых случаях обращается к нейтральным, а в некоторых – к «высоким» словам (нередко иронически, но и в таких случаях выбор слова оказывается значимым). Эти соображения не влияют, разумеется, на общее

благоприятное впечатление от работы, в том числе – от ее библиографической части.

Особенно хочется отметить, что заложенное в основание работы тяготение к охвату всех поэм мотивирует исследование и толкование редко востребуемых читателем и наукой поэм «Пятый Интернационал» и «Летающий пролетарий». Анализ и интерпретация в свете проблемы тела показывают их природу, как на уровне замысла, так и на стадии воплощения. Анализ столь убедителен, что в некоторых случаях можно было бы отказаться от повторения оценочных суждений, трактующих эти поэмы как творческие неудачи Маяковского, вообще не вполне уместных в научном тексте.

Хочется отметить также стилистическую монолитность диссертации, которая распространяется и на подстраничные сноски, что далеко не всегда встречается в сочинениях такого рода.

Общий уровень работы таков, что сформулировать замечания и поставить вопросы является непростой задачей для автора отзыва, в соответствии с «условиями жанра»... Вопросы к автору можно сформулировать так:

1. Знакомство с текстом диссертации не оставляет сомнений в том, что автор хорошо знает и осознает степень – прямого или опосредованного – влияния на Маяковского философии общего дела Н. Ф. Федорова. Однако, если не считать нескольких упоминаний Федорова и ссылок на работы С. Г. Семеновой, контекст федоровской концепции тела и телесности, имманентно присутствующий в сочинениях философа, остается неучтенным. Между тем, некоторые, как общеизвестные, так и впервые – и тонко – подмеченные автором частности, могли бы найти объяснение, некий «общий знаменатель» в рамках этой концепции. Это и акценты на некоторых локусах тела (лоб/чело, рука), и противопоставление вертикального и горизонтального положений

тела, и вопросы, связанные с санитарно-гигиеническими проблемами (в творчестве, как и в быту), и отношение к памятникам, выставкам и музеям, – это ряд можно было бы продолжать. У автора рецензии сложилось впечатление, что неучтенный федоровский контекст – результат намеренного отказа автора, который предпочел не касаться в работе этого контекста. Соответственно, можно было бы попросить автора мотивировать причины этого отказа.

2. В нескольких местах работы слова *тело* и *организм* встречаются в работе на правах синонимов (с. 66, 104, 206, например), один раз – рядом с цитатой из сочинений о. П. Флоренского (с. 45). Между тем, именно в связи другой его книгой, «Столп и утверждение Истины», в контекст эпохи широко вошло понимание этой пары слов как антонимов. Термин «организм» (вместе с рефлексией о его употреблении – «невольный прозаизм» и «латинизм» в отвергнутой редакции строки) проник в язык поэзии еще в стихотворении Пушкина «Осень (Отрывок)». Даже если предположить, что Маяковский не читал теодицею Флоренского и не знал (или только слышал) о богословско-философских спорах вокруг нее, оппозиция *тела* и *организма* (слов, как и дословесных «концептов»), думается, принадлежит именно языковому и ментальному контексту эпохи, впоследствии «стершемся» в словоупотреблении писавших на близкие темы. Может ли противопоставление *организма* и *тела* добавить нечто существенное к сложившейся в работе концепции, или объяснить какие-то частности в составе разбираемых текстов и текстовых массивов?
3. Наконец, еще один вопрос, который несколько выходит за пределы хронологических рамок исследования: можно ли сформулировать некоторое обобщенное заключение о чертах сходства и различия между поэмами предыдущего, дореволюционного периода, и теми,

которые подробно анализируются в диссертации? Например, понятно, что главка «Человек из-за 7-и лет» из поэмы «Про это» отсылает к поэме («вещи») Маяковского «Человек» 1916–1917 годов. Как организовано отношение к проблематике тела и телесности в поэмах – условно говоря – до «Человека» и после «Человека», в какой степени и в каком направлении отрефлексирована поэтом эволюция этого отношения?

В заключение скажем, что диссертация К. М. Комарова является законченным и самостоятельным научным трудом, выполненном на должном научном уровне. В работе приводятся научно-обоснованные результаты, которые, вне всяких сомнений, могут иметь практическое значение и получить методическое применение. Полученные результаты достоверны, выводы и заключения тщательно структурированы и логически вытекают из всего хода исследования и его отдельных этапов.

Насущным представляется вопрос о подготовке монографии на основе диссертации К. М. Комарова; такую книгу непременно можно рекомендовать к печати, и она станет важной вехой в осмыслении как проблемы телесности в словесных текстах, так и в изучении послереволюционного творчества Маяковского.

Основные этапы работы, выводы и результаты представлены в автореферате, содержание которого полностью соответствует содержанию работы.

Количество публикаций в изданиях разного типа (в том числе, рецензируемых ВАК) достаточно для отражения и представления результатов работ такого рода.

Диссертация «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. Маяковского» представляет собой законченное глубокое самостоятельное исследование, которое полностью отвечает требованиям п. 7 Положения о порядке присуждения ученых степеней (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г., №

475), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а соискатель Константина Марковича Комарова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература.

Официальный оппонент, кандидат филологических наук, Doctor of Philosophy In Russian, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт филологии Сибирского Отделения Российской Академии наук (ИФЛ СО РАН; 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; тел./факс: 8-(383)330-15-18; e-mail: ifl@philology.nsc.ru).

Лоцилов, Игорь Евгеньевич

E-mail: loshch@yandex.ru; loshhilov@philology.nsc.ru

6 ноября 2014 г.

